

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Записки Коллегии Востоковедов, II.

Mémoires du Comité des Orientalistes.

Памяти Алексея Н. Веселовского.¹ (1843—1918).

Когда бы не печальная группа молодых девушек, курсисток с Высших Женских Курсов, которым он отдал последние звуки академической речи — трудно было бы и подумать, что хоронили крупного ученого, с чутким общественным тепмераментом, десятки лет возглашавшего с кафедры историю художественного слова. Перед ним прошли сотни слушателей и на историко-филологическом факультете Московского университета, и в Специальных Классах Лазаревского Института Восточных Языков, и на Высших Женских Курсах — еще Герьевских, и в Народном Университете имени Шанявского, и в Театральной школе — всюду будил он в юных сердцах уважение к сильной личности, в борьбе обретавшей воплощение художественных идеалов. Его разносторонняя образованность, изящная воспитанность, говорившие о прочных — унаследованных — традициях, всегда выпукло выделялись на фоне серого гелертерства. Черновую, подготовительную, работу он искусно прятал, и все обрисовывалось у него, как законченное здание, с которого убраны леса. Только последние годы, отягченный сотнями образов, которые мелькали перед ним, он разбрасывался: он спешил воплотить частичку того, что теснилось у него в голове, и стройность изложения утрачивалась — лекция представляла как-бы литературную *causerie* в салоне искусного маэстро.

Веселовский был присяжный общественный лектор — «свободный профессор». Всякий раз, как устраивался литературный вечер или поминки по русском или западно-европейском писателе, неизменно подымалась на кафедру осанистая его фигура, вдохновлявшаяся от созерцания людной аудитории.² За время свыше чем пятидесятилетней сознательной активной

¹ В основу положено поминальное слово, произнесенное перед студентами в Лазаревского Переднеазиатского Института.

² Частью, речи Веселовского собраны в его «Этюдах и характеристиках» (М., 1912. 4-е издание в двух томах), частью — разрослись в целые монографии.

жизни собрал он богатую художественную летопись знакомств, в нем сокрыта была неписанная галерея, и забытые дорогие тени «откочевавших в дом вечности» превращались в очаровательные портреты. А когда тема захватывала его, он умел создать дивные образы — образцы художественного творчества. Теперь уста его сомкнулись; последний могикан цвета московского общества 70-х гг., жившего интенсивной жизнью в кружках, литературных, общественных, политических — навеки унес он все в могилу.

Москва потеряла в нем идейную связь между Россией и Западной Европой. Имя общепризнанного русского ученого — мольериста,¹ байрониста,² автора очерка русской литературы, написанного специально для серии *Kultur der Gegenwart*,³ близко было и «знатному иностранцу», посещавшему Москву; ежегодно, уезжая летом в Западную Европу, Веселовский знал там всех и все, там был он везде, как свой. В нем культурный европеец видел своя от своих, а Россия, естественно, входила через него в орбиту общеевропейскую.

Труды Веселовского отражают на себе взгляд его на художественное слово, как на проявление единого общечеловеческого духа. Как далек был от него узкий, однобокий специалист, уткнувшийся в одну точку! Он искал жизни всюду; литературную жизнь рассматривал он в масштабе общеевропейском — так построен у него один из первых обширных его трудов — «Старинный театр в Европе» (М., 1870), к переработке которого он неоднократно подумывал вернуться.

Он, только он один, мог бы оправдать упраздненный университетским уставом (1884 г.) титул «профессор всеобщей литературы»; всеобщая литература для него означала международное литературное взаимодействие. Устанавливая мировые литературные типы, он создавал интернациональное культурное братство. В период «болезненного пароксизма племенной исключительности» захотел он показать, чем обязана Россия Западной Европе; так вырос у него труд «Западное влияние в новой русской литературе» (М., 1916, 5-е издание). Профессор русской словесности в Специальных Классах Лазаревского Института, он на Востоке усматривал зачатки тех литературных течений, которые пышно расцвели на Западе. Россия и Европа, Восток и Запад мыслились у него не как противоположные обособленные понятия — везде находил он звенья той же цепи.

¹ Этюды о Мольере. Тартюф, М., 1879; Мизантроп, М., 1881; третий выпуск из «Мольеровской трилогии», Дон-Жуан, начатый, не был, однако, выпущен.

² Байрон. (М., 1914, 2-е издание).

³ Die russische Literatur, Berlin-Leipzig, 1908.

В истории Специальных Классов Веселовский занимает исключительное положение.¹ В старые, до-Миллеровские, времена, когда Специальные Классы были не что иное, как бесцветная востоковедная школа, медресе — лекции Веселовского были своего рода откровением. Не-ориенталист, он слушателям, задавленным восточными вокабулами, раскрывал красоты восточной поэзии, он внушал им интерес к востоковедению. Вступив в Специальные Классы в 1881 г., он одно время делал там больше, чем кто-либо другой, — «ориенталист». Его лекции в востоковедном заведении, в которых профессор русской словесности контрабандой знакомил и с западно-европейскими литературами, вводили в неведомый мир литературных идей и движений; это был как-бы литературный мост, перекинутый с Востока на Запад; восточная поэзия находила себе место и освещение среди литератур других народов. «Лирическая поэзия на Востоке», «История начального периода драмы на Востоке и в европейской литературе», «Кавказ и Крым в литературных отражениях», «Восточное влияние в русской народной поэзии», «Восточное влияние в мировой литературе XVIII и XIX веков», «История научного и художественного ориентализма на Западе и в России» — вот заглавия некоторых специальных курсов, читанных им студентам-лазаревцам.²

Избалованные трудами ориенталистов, научившиеся предъявлять к профессору, приступающему к изучению восточных литератур, требования, которым Веселовский, конечно, не может удовлетворить — не забудем все-же, что курсы эти намечены были им в 80-е гг., когда о них не помышляли у нас в единственном научном рассаднике востоковедения — на Факультете Восточных Языков. Они показывают, однако, как широко понимал свои обязанности не-ориенталист; историк литературы, он шел навстречу запросам студентов-востоковедов и, уча их, учился, знакомился сам с литературной жизнью Востока.

Слушатели Веселовского могли бы немало рассказать о том, как отзывчив и прост был он, когда кто обращался к нему на дому. Ему близка была и нужда студенческая en masse. В 1899 г. он прочел в пользу недостаточных студентов Института публичную лекцию «Накануне Пушкинского юбилея». Благодаря (в феврале 1917 г.) студентов за избрание в почетные члены возродившегося студенческого Общества, он собирался

¹ Специальные Классы всегда это сознавали, и в 1914 г. отметили 70-летие А. Н. Веселовского изданием «Восточного Сборника», заключающего в себе переводы с различных восточных языков.

² Заглавия курсов извлечены, частью, из пачки сохранившихся у меня за старые годы «Обозрений преподавания в Специальных Классах».

опять внести литературную лепту, но над страной веяли уже вихри революции — скоро заброшено было Общество, забыты были и будничные интересы.

Друг свободы, поклонник писателей, борцов за свободу — Байрона, Герцена,¹ он дважды, в годы, когда Россия была у порога свободы, испытал от судьбы удары; он, мечтавший о свободе академического преподавания, дважды был отстранен от кафедры. В 1906 г. в Московском университете освободилась кафедра русской литературы; ему, заслуженному европейскому ученому, почетному академику предложено было конкурировать с «провинциальными искателями фортуны», и оскорбленный, ушел он из университета, тяжело переживая разлуку. В 1918 г., наспех сколоченные Специальные Классы, давно нуждавшиеся в капитальном ремонте, рухнули, и когда на обломках их воздвигалось новое учреждение — А. Н. Веселовский, «почетный член Лазаревского Института Восточных Языков», оказался не ко двору; на смарку пошла 35-тилетняя плодотворная работа в восточноведном учреждении, стало-быть — на пользу русского востоковедения.

Он умирал сиротливо, не изжив, однако, себя; смерть подкралась к нему неожиданно; еще накануне, посетив его, я застал его лежащим на тахте, но лицо его было одухотворено и новые планы бродили у него в голове.

Вл. Гордлевский.

¹ А. И. Герцен - писатель, М., 1909.